

Litera

Правильная ссылка на статью:

Меркулов Г.В. Морфологические особенности румынского языка XVI—XVII вв. (на примере Codex Neagoeanus, 1620) // Litera. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.8.75579 EDN: QILTEF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75579

Морфологические особенности румынского языка XVI—XVII вв. (на примере Codex Neagoeanus, 1620)

Меркулов Глеб Васильевич

аспирант, Филологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

143005, Россия, Московская обл., г. Одинцово, ул. Говорова, д. 26А, кв. 184

✉ glebmerkulov@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.8.75579

EDN:

QILTEF

Дата направления статьи в редакцию:

15-08-2025

Дата публикации:

22-08-2025

Аннотация: Данная статья посвящена описанию морфологических особенностей румынского языка XVI—XVII вв. на примере манускрипта Codex Neagoeanus. Предметом исследования является комплексный морфологический анализ рукописного памятника «Codex Neagoeanus» (ms. rom. 3821, Библиотека Румынской Академии), датируемого началом XVII века. Данный кодекс представляет собой характерный для румынской культуры XVI—XVII вв. сборник религиозных и народных текстов (*cărți populare*), включающий переводы народного романа, дидактического трактата, краткого номоканона и произведения астрологической литературы. Исследование сосредоточено на системном описании и классификации архаичных и вариативных морфологических черт румынского языка, зафиксированных в текстах кодекса. Особое внимание уделяется тем особенностям, которые демонстрируют переходный характер языка этой

эпохи, находящегося на стыке старой латинской традиции и активного влияния славянских языков, а также процесса становления будущих литературных норм. Анализ проводится на материале всех знаменательных частей речи: имени существительного, прилагательного, глагола, местоимения и наречия. Основным методом исследования стал комплексный морфологический анализ, направленный на выявление и классификацию характерных архаичных и инновационных элементов в морфологической системе памятника письменности. Также используются методы палеографического анализа. Научная новизна исследования заключается в проведении первого детального и системного лингвистического анализа именно *Codex Neagoeanus*, который вводит в научный оборот новый фактический материал. Ключевые выводы заключаются в следующем: морфологическая система кодекса характеризуется крайней вариативностью и отсутствием стабильной нормы, что проявляется в сосуществовании архаичных (окончание -и у сущ. м.р., устаревшие формы перфекта) и инновационных (перифрастический кондиционал) форм. Установлено, что фонетические процессы (например, стяжение дифтонга ea) напрямую влияли на парадигмы спряжения глаголов. Важным выводом является демонстрация глубокого интегрального влияния славянских языков, которое выражается не только в лексических заимствованиях, но и в активном использовании славянских словообразовательных моделей (суффиксы -enie, -nie, приставка ne-) для создания новых слов на основе латинских и греческих корней. Таким образом, кодекс служит наглядным свидетельством сложного и многокомпонентного состояния румынского языка в ранний период.

Ключевые слова:

старорумынский язык, румынистика, *Codex Neagoeanus*, румынская кириллическая письменность, румынская морфология, манускрипт, народные книги, палеография, диахронический анализ, языковая вариативность

Введение

Абсолютное большинство румынских текстов XVI–XVII вв., сохранившихся до наших дней, составляют различные переводы библейских текстов, апокрифических сказаний, а также некоторое количество народных сказок, романов. Подобные произведения называются «народными» или «популярными книгами» (*cărți populare*) и получили широкое распространение, согласно некоторым исследователям румынской литературы, вследствие неудовлетворенного запроса простого населения [\[1, с. 42\]](#).

Некоторые сборники рукописей (или кодексы) содержат в себе тексты, созданные задолго до их непосредственного создания [\[Ibid, с. 44\]](#). Например, такие сборники как: Кодекс Стурдзана, переписанный в Махачи, в период 1580–1620 гг. [\[2, с. 43\]](#), Кодекс Марциана, переписанный в Трансильвании в XVI в. [\[3, с. 188\]](#), и Псалтирь Хурмузаки, переписанный в конце XV в. [\[4, с. 111\]](#).

Среди довольно обширного набора сохранившихся до наших дней письменных источников, большой интерес представляет манускрипт под названием *Codex Neagoeanus*. Данный манускрипт находится в Библиотеке Румынской Академии под номером ms. rom. 3821, а также размещен в открытом доступе на ресурсе *Medievalia*.

Материалы и методы

Codex Neagoeanus имеет объем в триста восемьдесят две страницы, первые двадцать шесть повреждены наиболее сильно. Характер повреждений – сугубо механический, вырваны фрагменты клиновидной формы в центре страницы сверху. Учитывая тот факт, что поврежденные страницы следуют друг за другом, можно предположить, что все повреждения были нанесены одновременно. Кроме того, некоторые страницы (стр. 98, 128, 221, 229) надорваны по краям с незначительной потерей текста. Полностью отсутствующих страниц нет.

Сам текст, как и подавляющее большинство румынских текстов эпохи, написан с использованием кириллического алфавита, чернилами и киноварью. Тип письма, если пользоваться терминологией отечественной палеографии, можно определить как полуустав с элементами скорописи [\[5, с. 21\]](#). В манускрипте присутствуют специально оформленные заголовки, т.е. вязь, выполненные преимущественно киноварью на страницах 62, 80, 89, 155, 250, 255, 273. Кроме того, киноварь иногда используется для выделения заглавных букв в предложении или же целых предложений, причем использование киновари в таких случаях носит скорее бессистемный характер.

Помимо самих текстов, манускрипт содержит и авторские записи, а именно – авторское заключение к «Alixăndria», вступление и заключение к «Floarea Darurilor» и заключение к «Pravilă...». Наиболее интересны заключения, так как там переписчик оставляет информацию о дате написания («*let 7128*»; «*popa Ion din sat din Simpetru*»), а также указывает свое полное имя и должность («*mlado pop Ion Vlahă*»).

Манускрипт обладает фонетическими чертами сразу нескольких «диалектов», так как: 1. Был переписан примерно на границе зон говоров (Хунедоара, конкретнее – д. Sînpetru / Sîmpetru) [\[6, с. 545-560\]](#); 2. Наиболее вероятно, что каждый текст манускрипта (всего их 4) был переведен разными людьми и переписан одним человеком из разных источников. Однако, это не отменяет того факта, что, например, стяжение дифтонга «оа» может как происходить, так и не происходить в пределах одного текста. Поэтому говорить о принадлежности к одному конкретному диалекту довольно трудно.

Название манускрипта происходит от имени первого известного владельца – Штефана Нягоя, румынского писателя и учителя, жившего в XIX в. [\[7, с. 2\]](#). Имеется и другое название, используемое только на ресурсе Medievalia и в онлайн-каталоге Aleph – «*Misceleanu religios și de cărti populari*», т.е. «Сборник религиозных и народных книг». Данное название носит скорее описательный и технический характер и в научной литературе не используется, используется либо номер, либо название по имени первого известного владельца.

Результаты

Прежде чем мы начнем рассмотрение конкретных феноменов, позволим себе разъяснить порядок оформления примеров в данной статье. После указания той или иной особенности, примеры подаются следующим образом: **пример** (=современный / нормативный вариант, 'перевод', X, Y, Z...), где «X, Y, Z...» – номера страниц манускрипта, содержащие данные примеры. Интересующие нас морфемы выделены **жирным** шрифтом. Такая система оформления выбрана в связи с тем, что подавляющее большинство особенностей, к сожалению, невозможно полноценно отобразить с помощью глоссирования в соответствии с Лейпцигскими правилами, так как большинство обнаруженных нами феноменов носят скорее формальный характер, вызванный либо вследствие еще неоконченного процесса нормирования языка, либо влиянием других языков (в первую очередь – славянских).

Существительное. Некоторые существительные единственного числа в именительном падеже сохраняют старое окончание «**е**», т. е. остаются ближе к своему латинскому прототипу: *arame* (=лат. *aeramen*, 'медь', 30), *grindine* (=лат. *grandinem*, 'град', 180). Наконец, трижды встречается архаичная форма *zio* (=zi, 'день', 9, 88, 195,).

Некоторые существительные мужского рода 2-го склонения, оканчивающиеся в им.п. ед. ч. на согласную, в Codex Neagoeanus (далее «CN») сохраняют на конце «**и**» / «**и**» (графически выражено с помощью «**ь**»): *cătrui* (=cămp, 'лагерь', 4, 33), *fieră* (=fier, 'железо', 17, 42, 98), *omă* (=ом, 'человек', 42, 52, 228, 234, 238), *ană* (=an, 'год', 11, 83), *aură* (=aur, 'золото', 22, 103, 124), *fundă* (=fund, 'дно', 31).

Обнаружено несколько случаев сохранения латинского суффикса «**-torius**», использовавшийся в латыни для образования прилагательных [8], но здесь исполняющий функцию агентивного суффикса: *De ară învăță carte el ară fi învățătoriu tuturora*. *De nu va învăță, el va fi muncitoriu* ('Если он будет учить (т.е. «изучать») книги, то будет всем **учителем**. Если не будет учить, то будет **работником**', 281), *judecătoriu* ('судья', 193), *deregătoriu(l)* ('правитель', 193, 194). Сохраняется и в современном румынском, в виде суффикса «**-or**».

Говоря о **падежных флексиях** в существительных мужского рода, следует отметить следующее:

1. Существительное «*frate*» ('брать') в форме родительного падежа единственного числа, вероятнее всего, имело отличную от современной форму / основу, так как в CN находим особую форму для единственного числа родительного падежа (в связке с притяжательным местоимением): *Fătul me(u) Alexandru scos-au tuiere frățini-tău de la Evagrid-Împărat și i-au dat țara* (=frății tău, 'Мой сын Александр отнял у императора Эвагрида жену **брата твоего** и отдал ей страну', 108).

2. Также были отмечены две лексемы с особыми формами винительного падежа множественного числа: *Și zis(ă) Alexandru: "Să încalece voiniți toți pre iere cu mănci și să lege m(ă)ncii la gura peșterei* (=mânci, 'И сказал Александр: «Пусть все воины поведут вперед кобыл и **жеребят** и жеребят привяжут у входа в пещеру', 38), *și-l puse patriarch prespe toți patriarșii* (=patriarhilor, 'и поставил его патриархом над всеми **патриархами**', 124).

Отдельно стоит сказать о способах оформления **звательного падежа** в существительных мужского рода, в CN их было обнаружено четыре:

1. Архаичное оформление вокатива с помощью прямого присоединения «**е**» к основе: *Și plânse Alexandru și zise: „O, fericate Arakleo-împărate...”* ('И заплакал Александр, и сказал: О, блаженный Араклий-император!', 7), *Domne* ('Господи!', 35, 73), *ome* ('человек!', 126).

2. Оформление вокатива с помощью присоединения к основе множественного числа окончания множественного числа – «**lor**»: *Alexandru chem(ă) pre machidonenii și lă grăi tututuroru: „O, dragilor și fraților, și vitejilor machidonenilor, și înțelepților și prietnici miei”* ('Александр позвал македонцев и сказал всем: «О, любимые, и братья, и витязи македонские, и мудрецы, и друзья мои», 57).

3. Несколько раз на месте формы зватательного падежа встречается форма именительного падежа с **определенным постпозитивным артиклем**: *o, dragul meu* ('о, любимый мой!', 99, 102, 122...), *o, dragii mei* ('о, любимые мои!', 5, 114, 142, 145...)

4. И даже без артикля: *boeri* ('бояре!', 63), *scrișu-ție Poru-împărată* ('написал тебе, Поримператор!', 51, 71).

В существительных **женского рода** также стоит отметить некоторые особенности, а именно:

1. Некоторые существительные образуют родительный падеж единственного числа с помощью окончания «**-iei**»: *Și iară zise Al(e)xandru: „O, lume și soare și tote făpturile lumiei* (=lumii, 'И тогда сказал Александр: О, мир, солнце и все создания **мира**', 141), *Și Iu călicul (la) cetate și fu domn cetăției călic* (=cetății, 'И привел бедняка в город, и стал правителем **города** бедняк', 126).

2. Было обнаружено одно существительное ж. р., в родительном падеже, единственном числе с окончанием «**-ăi**»: *socră-me es(te) mie în locul maicăi mel(e) Oli(m)biiada* (=maice, 'свекровь моя мне вместо матери моей, Олимбиады', 100).

3. По аналогии с сущ. м. р. «*frate*», можно предположить, что сущ. ж. р. «**mumă**» ('мама') в ед. ч. род. п. могло иметь форму, отличную от современной, так как в связке с притяжательным местоимением находим *în mațele mumăni-tă* (=a mamei tale, 'в утробе матери твоей', 110).

4. Некоторые существительные (из лат. 1-го скл.) в мн. ч. им. падежа все еще имеют окончание «**-e**», вместо «**-i**»: *groape* (=gropi, 'ямы', 16, 17), *code* (=cozi, 'хвосты', 44), *lature* (=lături, 'помои', 156). Это окончание переносится и на некоторые прилагательные: *groape adânce* (=gropi adânci, 'ямы глубокие', 17), *hăinele lungă* (=haine lungi, 'одежды длинные', 60).

5. Обнаружены существительные с несколькими формами именительного падежа множественного числа: *pietri* (39, 46, 47, 77...) vs. *petre* (110) vs. *petri* (3, 7, 117) =pietre, 'камни'; *cărniile* (46) vs. *cărniurile* (47) =căruri, мн.ч. 'мясо'.

6. У нескольких существительных с окончанием мн. ч. «**-i**» все еще не изменяется корневая гласная в форме множественного числа: *sabii* (=săbii, 'сабли', 78, 134), *pasări* (=păsări, 'птицы', 212).

Большинство существительных **среднего рода** во множественном числе имеют архаичное окончание «**-ure**»: *lucrure* (=lucruri, 'дела', 36, 162, 231), *podure* (=poduri, 'мосты', 64), *glasure* (=glasuri, 'голоса', 42), *darure*(le) (=daruri, 'дары', 117, 166, 181). Однако находятся и формы с современным окончанием «**-uri**»: *lucruri*(le) (121, 164, 166, 173), *darurile* (134). Также были обнаружены существительные, форма среднего рода, мн. ч. которых образуется в современном румынском с помощью «**-uri**», образующих эту форму с помощью окончания «**-e**»: *Și ave arce și segeți și nu ave segețile fieră ce ave piață adamantă* (=arcuri, 'И есть **луки** и стрелы, и стрелы не железные, а адамантовые', букв. 'дуги', 42).

Склонение имен собственных в СН также имеет несколько особенностей. Названия стран, рек, народов, городов и имена склоняются как имена нарицательные в современном румынском: N. – Acc. единственного числа: *Fisonă* ('Фисон', 35), *Efrath* ('Евфрат', 35), *Ghionă* ('Гион', 35); множественного числа: *Machidonenii* (Македонцы, 56), *Indienii* ('Индийцы', 59, 66, 68, 75); G. – D. единственного числа: *pre apa Fisonului* ('по водам Фисона', 55), *și merse pre cămpii Sinarului* ('и пришли они к лагерю Синара', 113); множественного числа: *cu Evant – împăratul nagomudrilor* ('с Евантом – императором нагомудрецов', 54).

Звательный падеж у имен собственных чаще всего формируется с помощью присоединения гласной «**о**» (для ж. р.) или «**е**» (для м. р.) к корню: *Talistrado* (83), *Seramido* (7), *Adame* (26), *Evante* (27, 30), *Teodoro* (248). Встречаются и упомянутые ранее формы без артикля: *Poră*. Исключением из этих правил являются мужские имена Araclie (G. – D.: *Araclei* 13, 54; Voc.: *Aracleo* 7) и Antioh (Voc.: *Antios* 95, 96, 102).

Имена лиц склоняются по падежам только с использованием препозитивного **артиклия** «**lu**» (=«**lui**»): *hainele lu Antioh* ('одежды Антиоха', 92), *spuseră lu Alexandru* ('сказал Александру', 37), *dede lu Adam* ('дал Адаму', 242), *învățătura lu Dumnezău* ('учение Господне', 233).

Глагол. Некоторые глаголы (как переходные, так и непереходные), используемые в современном румынском в невозвратной форме, в СН появляются в форме с возвратным местоимением: *munci-să* ('мучаться', 31), *să zăbăvise* ('забавляться', 33), *adunaiu-mă* ('собираюсь', 54), *te zăbăviști* ('забавляешься', 102), *veghe-te* ('не спится тебе', букв. 'ты не спишься', 139). Однако, в СН зарегистрирован, как минимум, один глагол, используемый в современном румынском в возвратной форме, без возвратной частицы: *abătură din cale* (=a se abate, 'сбился с пути', 96).

Настоящее (Prezentul Indicativ). Некоторые глаголы 4-й группы спряжения в СН спрягаются с помощью суффикса «-eșt», а именно: *să repezește* ('он торопится', 192), *să pogorește* (=a coborî, 'он спускается', 210), *să slobozește* ('он выпускает', 45, 210). Однако находятся и современные формы: *să repezi* ('торопиться', 146), *nu slobozi* ('не выпускаешь', 218).

Имперфект. Глаголы в форме 1 л. ед. числа не имеют обязательного в современном румынском окончания «-m»: *eu fugie* (=fugeam, 'я убегал', 93), *era și eu* (=eram, 'был и я', 98). Из-за фонетических изменений (переход дифтонга «**ea**» в «**ie/e**» на конце слова), глаголы 2-й, 3-й и 4-й группы спряжения имеют в 3 л. ед. ч. окончания «-e» (вм. «-ea»), «-ie» (вм. «-ea») и «-e» (вм. «-ia») в имперфекте соответственно: *ave*, *merge*, *venie*, *sărie*, *năvăle*. В форме 3 л., мн. числа глаголы не имеют современного окончания «-u» / «-au»: *unele era albe* (=erau, 'некоторые были белые', 20), *și merge toți nagomudri* (=mergeau, 'и шли все нагомудрецы', 33), *și mirosie florile* (=miroseau, 'и нюхали цветы', 34).

Простое прошедшее (Perfect Simplu). В формах простого прошедшего глаголы в СН демонстрируют преимущественно устаревшие формы.

В форме 1 л., единственного числа: *scrișu-ție Poră-împărată* (=scrisei, 'написал тебе, Пор-император!', 49, 71); кроме того, могут иметь окончание «-uiu» (вместо «-ui»): *încerpuiu războielea lu Por-împărat* (=încerpui, 'я начал (писать о) войне Императора Пора', 62), *tueri nu văzuiu la voi* (=văzui, 'женщин я не увидел среди вас', 28). В форме множественного числа также имеет отличное от современного окончание: *încerpimău* (=încerpurăm, 'мы начали', 12), *au muri(t) împărații și noi rămasemău* fără împărați (=rămaserăm, 'умерли правители и мы остались без правителей', 12).

Глаголы «*a da*» ('давать') и «*a sta*» ('стоять') также встречаются в устаревших формах: *și-l dede lu Alexandru* ('и **дал** его Александру', 24), *iară lefantele <...> să întorseră îndărăt* *și dederă pre oste lu Por* ('тогда слоны <...> развернулись и **дали** (=пошли) по войску Пора', 64-65...), *Iară noi nu ascultă(m)*, *nici stătumău pre judecata loră* (=stăturăm, 'Но мы их не послушали и не **предстали** перед судом их', 12).

Сложное прошедшее (Perfect Compus). Строится в полном соответствии с

современной нормой – вспомогательный глагол «а avea» + причастие. Вспомогательный глагол при сложном прошедшем был зарегистрирован как в препозиции (в соответствии с современной нормой): *dupa acea **au** murit* ('после этого они умерли', 12), *și pintru ace **am fugit** noi din lume la pustie* ('и поэтому я убежал от мира в пустыню', 45), ***am** văzut* ('я увидел', 98); так и в постпозиции: *și mers-**au*** (sic!) *la ei Arhangel Mihail* ('и **пришли** к ним Архангел Михаил', 26), *Și-mi ziseră să merg pre apa Fisonului, și **ieșit-am** la lume, și **văzut-am** multe menunate* ('и сказали мне идти по водам Фисона, и **вышел** я в мир, и **увидел** я много замечательного', 108).

Будущее. Будущее время в СН преимущественно строится по принципу современного *viitorul literal*: особая форма спряжения глагола *a vrea* + инфинитив. Исключение составляет форма 2 л. ед. числа, где вспомогательный глагол имеет 2 варианта (*veri* / *vei*): *Alexandru zis(e): „Dar apa Alfeonului cum **vei** treci?”* ('Александр спросил: «Но воды Альфеона как ты **пройдешь?**», 67), *Iară de te vom bate noi pre tine, mai mare rușine nu **veri fi pătit** într-alt loc* ('и если мы тебя победим, то большего стыда ты **не испытаешь** нигде', 61), *nu **veri** mai **ești*** ('ты больше не выйдешь', 105). Причем вспомогательный глагол также может находиться и в постпозиции: *și te vei pogori pănă la iad, și tot pămă(n)tu **loa-veri**, și în pămă(ă)nt **intra-vei*** ('и ты сойдешь в ад, и завладеешь всей землей, и в землю вернешься', 22). В остальных случаях формы вспомогательного глагола близки к современным. Он также может находиться как в препозиции: *Iară voivozi ziseră: "Ce **vom** face?"* ('И тогда воеводы сказали: «Что мы будем делать?», 6), *Alexandru zisă: „Domne, dară pre unde **voiu iești** la lume mirolui?”* ('Александр сказал: «Господи, но как **я выйду** в мир?», 8); так и в постпозиции: *Poți merge pănă acolo la cetatelor, iară în cetate să nu cauți, că cineva căuta – **muri-va*** ('Можешь дойти до города, но в сам город не заходи, так как тот, кто заходит – **умрет**', 29), *Adame, să îngropi pre Avel în pămintă, și pre Cain <...> și la judecată toți vor învie, și **fi veți** toți cu trupă și sufletă* ('Адам, похорони Авеля в земле, и Каина <...> и в день Страшного Суда все воскреснут, и **вы будете** все с телом и с душой', 26).

Однако будущее время также строится с помощью ранее упомянутых форм глагола *a vrea* + конъюнктив: *Iar de ție, **voie** să-ți rămăne ostrovul pustiniu și **voi** să **periți** toți* ('А что до тебя, то пусть твой остров **останется** безжизненным и **вы погибните** все', 83), *și rămase Potolomei și Filon numă că nu vre să-i lase, că știe Alexandru, că **va să moră** curundu* ('И остались Птолемей и Филон, так как не хотели его оставлять, так как знали, что Александр **умрет** скоро', 135).

Кроме того, единожды будущее время выражается с помощью вспомогательного глагола «ам» + инфинитив: *Nu te teme nimică, Alexandre, că nu sămt eu încă aşa nebună să te spun <...> ce **am a te certa** ca și tămă-ta Olimbiada* ('Ничего не бойся, Александр, я еще не настолько безумен, чтобы сказать тебе, что **буду тебя наказывать/ругать**, как мать твоя, Олимбиада', 106).

Конъюнктив. Обнаружено несколько устаревших форм конъюнктива настоящего, неиспользуемых в совр. румынском: *Iară Alexan(d)ru <...> învălui stălpul cu postav <...> să **nu să spăminte** oștile* (=spăimânte, 'И тогда Александр <...> обмотал столб тканью <...>, чтобы **не испугались** воины', 2), *Iară el văzu un pește mare venie la elă să **lă mănce*** (=măñânce, 'И увидел он – рыба большая плывет к нему, **чтобы съесть** его', 41). В формах конъюнктива прошедшего мы можем наблюдать спряжение вспомогательного глагола «а *fi*», который в современном румынском не спрягается (т.е. всегда представлен формой «*fi*»): *să **ifie** luată multă* (40).

Кондиционал. Несмотря на то, что на данном этапе кондиционал зачастую строился на

основе латинского перфекта конъюнктива [\[9, с. 506\]](#), СН несколько раз демонстрирует перифрастические формы кондиционала настоящего, соответствующие современному варианту, т. е. вспомогательный глагол «*a avea*» ('иметь') в специальной форме + причастие спрягаемого глагола: *O, blazhene Evante, de numără fi de machidoneni că nu voră pute ieși la lume fără mine, iară eu așă rămăne ai că cu voi, și așă vie viață îngerăscă* ('О, блаженный Евант, (если бы не) множество македонян, что не могут выйти в мир без меня, то **я бы остался** здесь, с вами, **прожил бы** жизнь долгую', 32).

Императив. Глагол «*a sta*» в форме императива приближен к своему латинскому прототипу [\[10\]](#): *Stă pre loc, Alexandre* ('Стой на месте, Александр!', 35). Глагол «*îmblare*» появляется в манускрипте в форме императива, причем в аферезированной форме: *Rogu-te, frate, blăm de mi* ('Молю тебя, брат, отойди от меня', 96). Отрицательный императив, соответствующий латинскому имперфекту сослагательного наклонения, встречается в СН всего один раз: *nu tă uitareți* ('не покидайте меня', 145).

Инфинитив. В тексте манускрипта лишь дважды встречаются полные формы инфинитива: *facere* (=face, 'делать', 178), *nu sufere* (=nu suferi, 'не страдать', 192). В остальных случаях – формы краткие. Современная норма не предполагает использование полной формы инфинитива, поскольку все они субстантивировались [\[9, с. 508\]](#).

Наречие. В СН многие наречия имеют несколько форм, либо представлены более старыми формами, среди них стоит отметить:

1. Acolo ('там'): *acole* (4, 7, 8) – *acolo* (1, 2, 7) – *aclo* (55);
2. Acum ('сейчас'): *acstu* (5, 53, 55) – *acum* (177, 215);
3. Aici ('здесь'): *aice* (1, 25, 27) – *ai că* (1, 2, 10);
4. De aici ('отсюда'): *deice* (14, 26, 27) – *dei că* (2, 80) – *de ai că* (36);
5. Curând ('быстро, скоро'): *curundu* (51, 141) – *curândă* (262);
6. Îndărăt ('сзади'): *înderăt* (63) – *îndereret* (65) – *îndărăt* (36, 65, 74);
7. Înainte ('спереди'): *nainte* (9, 14, 20) – *înainte* (36, 62, 239);

Наиболее вероятно, что такая вариативность вызвана, в первую очередь, фонетическими изменениями, а также отсутствием четких орфографических норм.

Местоимение. У безударных форм личных местоимений 1 л., мн. числа аккузатива и 3 л. мн. числа датива все еще наблюдаются устаревшие в современном языке формы «**нă**» ('нам' / 'нас') и «**лă**» ('им' / 'их') соответственно: *nă aștepți* ('ждите нас', 82), *Și lă ieși un om golă nainte-lă și zisă* ('и к ним вышел голый человек и сказал', 20), *Alexandru chem(ă) pre machidonenii și lă grăi* ('Александр позвал македонцев и сказал им', 56), и т. д. Однако гораздо чаще встречаются современные формы «**не**» и «**ле**»: *și ne măncă făciorii noștri, și ne ucide pre noi* ('и ест детей наших, и убивает нас', 13), *le povesti* ('рассказал им', 33), *Și le zisă Alexandru* ('И сказал им Александр', 39), *le punе* ('ставит их', 47), *le duce* ('ведет их', 80) и т. д.

Указательные местоимения в аферезированных формах *cel(a/e/ă)* ('тот / те / та', 3, 73, 85, 92 и т. д.) и *cest(a/e/ă)* ('этот / эти / эта', 23, 94, 139, 247) встречаются примерно так же часто, как и современные *acel(a/e/ă)* (22, 37, 38, 48 и т. д.) и *acest(a/e/ă)* (13, 23, 27, 59 и т. д.). Кроме того, встречается форма *alalt(ă/e)* ('другой', 32, 86, 130, 134, 157)

там, где современный румынский предполагает форму *celalt*: *Și într-acel ceas l-ascultă Dumnezău, apropiară-să munții unul de altă 12 coți de aproape și stătură.* ('и в тот момент услышал его Господь, сблизились горы одна с **другой** на двенадцать локтей, и встали они', 86)

Среди **притяжательных** местоимений была обнаружена ненормативная форма 3 л. ед. числа **seu** (вместо совр. *său*): *și văzu pre socru-seu Darie-împărat* ('и увидел тестя **своего**, императора Дария', 99). Наиболее вероятно, что данная форма образовалась по аналогии с формой 1 л. ед. числа – **meu**.

Наконец, среди **неопределенных** местоимений находим устаревшие формы: *cineși cu stiagul lui* (=fiecare, 'каждый с флагом своим', 128), **neştine** (=cineva, 'кто-то', 156, 179).

Следует сделать несколько замечаний, касающиеся **приставок** и **суффиксов** в СН. Было обнаружено несколько слов без приставки «**în-**», нормативной в современном румынском: *vălituri* (=învăliture, 'конверты', 60), *grijește cu morții* (=a îngriji, 'беспокоится о смерти', 100), *podobi* (=a împodobi, 'украсить', 102), *podobită* ('украшенный', 211), *Și socoti Alexandru că "deca voi bătrăni, cu acasta mă voiu scălda, și iară voi fi tinără"* (=a îmbătrâni, 'И подумал Александр: «если я **состарюсь**, этим себя омою и тогда буду молодым', 24). Однако также находим: *Și deca vede că îmbătrănește, și slăbește* ('И когда она видит, что **стареет** и слабеет', 212).

Также было обнаружено несколько слов с приставкой «**ne-**»: **nevolnic** ('пленник', 22), **neputernici** ('немощные', 45), **nebunie** ('безумства', 50, 178, 191), **nevăzutele** ('невидимое', 85, 99). Можно заметить, что эта приставка используется не только в словах со славянским происхождением (*nevolnic*), но и активно используется для образования новых слов с латинскими корнями (*nebunie*, *nevăzutele*).

Кроме того, в СН используются несколько славянских суффиксов, среди них: «**-anie**»: **rosaanie** ('покаяние', 159, 217, 255); «**-čine**»: *iertačine* ('прощение', 50, 56); «**-enie**»: *folosenie* ('благо, польза', 155), *cetenie* ('поучение', 158), *smerenie* ('смирение', 159), *încerenie* ('начинание, начало', 173), *sfrășenie* ('завершение', 173), *milostenie* ('милосердие, милостыня', 195), *spăsenie* ('спасение', 197), *trăpenie* ('терпение', 206); «**-nic**»: *nevolnică* ('пленник', 22), *răharnic* ('дворянин', 136), *cămatnică* (=cămătar, 'ростовщик', 281). Здесь так же, как и в случае с приставкой «**ne-**», некоторые суффиксы используются не только как часть слов-заимствований, но и как инструмент словообразования с греческими и латинскими корнями: **folosenie** (греч. ὄφελος), *încerenie* (лат. *inceptere*).

Заключение

Рассмотрение морфологических особенностей в СН позволяет нам увидеть довольно сильную связь между фонетическими и морфологическими особенностями румынского языка периода XVI–XVII вв. Особенно это заметно среди форм имперфекта (прямое влияние на парадигму спряжения из-за стяжения дифтонга [ea] на конце формы). Кроме того, незавершенный процесс сознательного нормирования языка и отбора вариантов приводит к существованию нескольких форм наречий с одинаковым значением, равно как и двух видов форм указательных местоимений (с афферезой и без).

Нельзя не отметить довольно высокую нестабильность составных форм глаголов (perf. *compus*, *viitorul literal*) – вероятнее всего, на начало XVII в. еще не было четкого понимания, в каком порядке должны располагаться главный и вспомогательный глаголы.

Кроме того, в СН мы регистрируем как архаичные элементы (например, формы perf. *simplu*, конжунктива, отдельные формы личных и неопределенных местоимений), так и откровенно инновационные (формы кондиционала, приближенные к современным). Однако на данном этапе, архаичные черты, разумеется, преобладают.

Наконец, следует отметить случаи использования славянских морфем (приставок, суффиксов) для составления новых лексических единиц на основе латинских и греческих корней. Этот факт кажется нам достаточно ясной иллюстрацией степени влияния славянских языков на румынский язык периода XVI—XVII вв.

Библиография

1. Grosu M. *Istoria Literaturii Române (Eposa veche și școala ardeleană)*. București: Litografia și Tipografia Învățământului, 1958.
2. Chivu G. *Codex Sturdzianus, Studiu filologic, studiu linnistic, editie de text si indice de cuvinte*. București: Editură Academiei Române, 1993.
3. Drăganu N. *Doua manuscrise vechi. Codicele Todorescu și Codicele Martian*. București: Librariile SOCEC, Sfetea și Libraria Nationala, 1914.
4. Camară I. *Originea celui mai vechi text românesc // Receptarea Sfintei Scripturi, între filologie, hermeneutică și traductologie*. Vol. 12. 2023. P. 129–139.
5. Чекунова А. Е. Русское кириллическое письмо XI–XVIII вв. Учебное пособие. М., 2010.
6. Ghetie I. *Unde s-au tradus si unde s-au copiat textele din Codex Neagoeanus // Limba Română*. Vol. 22. № 6. 1973. P. 545–560.
7. Ionascu A. «Alexăndria», or the first instance of monsters in romanian culture // *Journal of Romanian Literary Studies*. № 17. 2019. P. 939–944.
8. Sihler, Andrew L. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. Oxford, New York: Oxford University Press, 1995.
9. Rosetti A. *Istoria Limbii Române*. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1986.
10. Викисловарь, «sto». URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/sto#Latin> (дата обращения: 18.02.2025)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают морфологические особенности румынского языка XVI–XVII веков. Актуальность работы обусловлена важностью изучения морфологического строя румынского языка в диахронии, поскольку это позволяет понять достаточно сложную грамматическую систему современного языка. Эмпирическим материалом исследования послужил манускрипт *Codex Neagoeanus* (1620). Отмечается, что среди довольно обширного набора сохранившихся до наших дней письменных источников данный манускрипт представляет большой научный интерес. Как и подавляющее большинство румынских текстов изучаемой эпохи, текст манускрипта написан с использованием кириллического алфавита; содержит авторские записи; обладает фонетическими чертами сразу нескольких «диалектов» и пр.

Теоретической основой работы выступили труды по истории румынского языка, исследования письменных источников румынского языка изучаемого периода и т. д. Библиография состоит из 10 источников; соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Обращаем внимание,

что автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить об актуальности изучения грамматического строя румынского языка на современном этапе. Также в дальнейшем рекомендуем переводить на русский или английский языки источники на других языках (см требование редакции: «список литературы (References) приводится на русском и английском языках»).

С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы методологическую базу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, интерпретативный анализ материала, диахронно-сопоставительный метод, элементы дистрибутивного, трансформационного и компонентного анализа, методы лингвистического наблюдения на основе семантического, морфемного и словообразовательного анализа.

В ходе исследования проведен качественный анализ изучаемой проблематики. Подробно рассмотрены морфологические особенности румынского языка в тексте *Codex Neagoeanus*, которые позволили автору(ам) «увидеть довольно сильную связь между фонетическими и морфологическими особенностями румынского языка периода XVI—XVII вв.». Отмечена и обоснована сравнительно высокая нестабильность составных форм глаголов: «вероятнее всего, на начало XVII в. еще не было четкого понимания, в каком порядке должны располагаться главный и вспомогательный глаголы». Выявлены случаи использования славянских приставок и суффиксов для составления новых лексических единиц на основе латинских и греческих корней, что, по мнению автора(ов), является «достаточно ясной иллюстрацией степени влияния славянских языков на румынский язык периода XVI—XVII вв.».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы связаны с ее вкладом в комплексное изучение морфологических особенностей румынского языка XVI—XVII веков. Полученные результаты создают основу для дальнейших исследований и могут применяться в вузовских курсах по общему и романскому языкоznанию, истории румынского языка и литературы, сравнительной грамматике романских языков.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».